

ТВЕРСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ

Выходятъ два раза въ недѣлю: по средамъ и субботамъ.

Подписка принимается въ Редакціи Губернскихъ Вѣдомостей.

Цена за годовое изданіе вѣдомостей:
на чистой бумагѣ (безъ пересылки) 3 руб. 60 к.,
съ пересылкою 3 руб. 60 к.,
на бланкѣ бумагѣ (безъ пересылки) 1 руб. 50 к.,
съ пересылкою 1 руб. 10 к.

За полугодное изданіе платится половина.

№

25.

Частные объявления принимаются ежедневно въ Редакціи Губернскихъ Вѣдомостей.

Плата за объявления взимается: за одинъ разъ 15 коп. со строки, выходящей до 36 буквъ обыкновеннаго шрифта, а за всѣмъ послѣдующій разъ прибавляется еще по 5 коп. за строку.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ Офиціальныя. Дѣйствія Правительства.
Отдѣлъ Неофициальныя. Отъ Съезда Тверскаго Благотворительнаго Общества Добродѣтной Колышки.—Телеграммы.

Отдѣлъ Судебный. Судебное Засѣданіе Тверскаго Окружнаго Суда въ г. Тверь, 22 сентября 1869 г.

Объявленіе и извѣщеніе гражданскихъ вѣстей и должностныхъ лицъ.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

УКАЗЫ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

По 1-му Департаменту, отъ 16 марта 1870 года, о возмѣщеніи съ 1-го августа 1870 года акциза съ туземнаго сахара по пску.

По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ слушалъ: во 1-хъ) рапорты Товарища Министра Финансовъ, отъ 6 марта 1870 г., за № 226-мъ, слѣдующаго содержанія: Высочайшимъ утвержденнымъ 16 июня 1867 г. жителю Государственнаго Совета постановлено: акцизъ съ сахарнаго пска туземнаго приготовления съ 1-го августа 1867 г. по 1-го августа 1870 года взимать по 50 коп. съ пуда. Если государственныя доходы, совокупно съ привознаго и туземнаго сахара, за 1868 и 1869 годы, достигнута, по средней сложности сихъ двухъ годовъ, 6 500,000 руб., то сей послѣдній размѣръ акциза (50 коп.) сохраняется и до 1-го августа 1872 г.; если же доходъ будетъ ниже означенной суммы, то съ 1-го августа 1870 г. по 1-го августа 1872 г. взимается по 70 коп. съ пуда. А по силѣ Высочайше утвержденнаго того же 16 июня житія Государственнаго Совета, размѣръ акциза съ свеклосахарныхъ заводовъ долженъ быть всегда одинаковъ въ Царствѣ Польскомъ и въ Ингеріи, и акцизный сборъ съ свеклосахарнаго производства въ Царствѣ по долженъ приниматься въ счетъ означенныхъ 6%, изъ пудовъ рублей. Какъ по полученнымъ въ Министерствѣ Финансовъ свѣдѣніямъ оказалось, что съ туземнаго сахара въ Ингеріи и съ привознаго изъ-за границы поступило дохода въ 1868 году 2.483,437 руб. 66 коп. и въ 1869 г. 1.505,508 р. 69%, коп., а по средней сложности сихъ двухъ годовъ—2.039,473 р. 17%, к., то за снѣмъ, по силѣ упомянутыхъ Высочайше утвержденныхъ житій Государственнаго Совета, акцизъ съ туземнаго сахарнаго пска, съ 1-го августа 1870 г. по 1-го августа 1872 года, долженъ быть взиматься, какъ въ Ингеріи, такъ и въ Царствѣ Польскомъ, по семидесяти коп. съ пуда. О семъ циркулярно отъ 18-го прошлаго февраля дано знать Управляющимъ акцизными сборами и Казеннымъ Палатамъ для надлежащаго руководства и исполненія съ тѣмъ, чтобы Управленіе немедленно объявила о означенномъ возмѣщеніи акциза съ сахарнаго пска, съ подписаніемъ, всѣмъ владѣльцамъ свеклосахарныхъ заводовъ или ихъ управляющимъ и арендаторамъ. Независимо отъ того слѣдуетъ распоряженіе о припечатаніи особаго объявленія по настоящему предмету въ Правительственномъ Вѣстникѣ и Московскихъ и С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ. О вышеназжен-

номъ онъ, Товарищъ Министра Финансовъ, доносить Правительствующему Сенату, въ допозненіе къ рапорту отъ 23-го іюля 1867 года № 660-мъ, и во 2-хъ) справку. Приказали: О таковомъ донесеніи Товарища Министра Финансовъ утѣднить Его Императорское Высочество Намѣстника Кавказскаго, Намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, всѣхъ Министровъ и Главноуправляющихъ отдѣльными частями, однимъ—указомъ, а другимъ—черезъ передачу къ дѣламъ Оберъ-Прокурора 1-го Департамента Правительствующаго Сената копій съ опредѣленія Сената; равнымъ образомъ утѣднить указомъ: Учредительный въ Царствѣ Польскомъ Комитетъ, Генералъ-Губернаторовъ, Военныхъ Губернаторовъ, Губернаторовъ, Войскаго Наказнаго Атамана Войска Донскаго, Градоначальниковъ, С.-Петербургскаго и Московскаго Оберъ-Полиціймейстеровъ, дать знать указомъ: Губернскимъ, Областнымъ и Войсковымъ Правленіямъ, Палатамъ: Казеннымъ и Судебнымъ: С.-Петербургской, Московской, Харьковской, Одесской и Таврической; въ Святѣйшій же Правительствующій Синодъ, во всѣ Департаменты Правительствующаго Сената и Общія оныя Собранія сообщитъ житіе, и припечатать въ установленномъ порядкѣ.

Брошю сего получены слѣдующіе указы Сената.

По Департаменту Герольдіи, отъ 27 февраля 1870 года, о порядкѣ произведенія дѣлъ о почетныхъ титулахъ и дворянскихъ достоинствахъ уроченныхъ губерній: Варшавской, Калужской, Калужской, Ломжинской, Люблинской, Петровской, Плоцкой, Радомской, Сувальской и Сандежской.

По 1-му Департаменту, отъ 18 марта 1870 года, объ обязательной службѣ фельдшеровъ и повитухъ, воспитывающихся на селѣ земства.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Отъ Съезда Тверскаго Благотворительнаго Общества Добродѣтной Колышки.

Совѣтъ Тверскаго Благотворительнаго Общества Добродѣтной Колышки, названнаго, по случаю предстоящаго праздника Пасхи, Общее собраніе Общества, 5-го апрѣля, въ Воскресенье, въ 2 часа по-полудни, въ нижней залѣ Тверскаго Благороднаго Соборнаго, имѣющаго честь повторить просить гг. Членовъ сего Общества пожаловать въ это засѣданіе.

ТЕЛЕГРАММЫ.

(Изъ Прованса. Вѣстанка)

Парижъ, 24-го марта (5-го апрѣля). Изъ Барселона извѣщаютъ, что по случаю набора произошли третьяго года безпорядки. Баррикады, устроенныя нисурегатами были легко взяты, но при этомъ убито десять человѣкъ.

Понесла слухъ, что вчера вечеромъ безпорядки возобновились и были снова подавлены. Въ сегодняшнемъ засѣданіи Законодательнаго Корпуса, Гамбетта изложилъ на господство нисурегатовъ, на что Министръ Юстиціи въ

своемъ отвѣтѣ сказалъ: „Вы имѣете правительственное, которое можетъ осуществить всѣмъ прогрессъ и вы можете получить этотъ прогрессъ, но безъ революціи (en faisant l'économie d'une révolution) (успокоившись).“

По окончаніи преній, Эмилъ Озье сказалъ, что правительство принять *ordre du jour*, подписанный герцогами д'Альбуэра. Министръ прибавилъ, что правительство обратило вниманіе на критикъ, направленныхъ противъ нѣкоторыхъ пунктовъ сенатусъ-консулты, и разсмотритъ ихъ со вниманіемъ.

Вѣст. 24-го марта (5-го апрѣля). Въ сегодняшнемъ засѣданіи Второй Палаты Рейхсрата, Премьеръ Совѣта, въ отвѣтъ на интересовавшій, объявилъ, что Министерству, въ полномъ своемъ составѣ, просило Императора объ увольненіи.

Афины, 25-го марта (6-го апрѣля). Британскій Посланникъ протестовалъ противъ новаго Греческаго займа въ 9 милліоновъ, на томъ основаніи, что по договору 1832 г. Греція обязана прежде всего уплатить заемъ, гарантированный покровительственными державами.

ОТДѢЛЪ СУДЕБНЫЙ.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА.

Судебное Засѣданіе Тверскаго Окружнаго Суда въ г. Тверь, 22 сентября.

По дѣлу о безсрокочно-отсужденномъ рабовѣ Николай Степановъ Чернышский, обвиняемомъ въ кражѣ бочки съ деревяннымъ масломъ изъ кладовой станіи Николаевской желѣзной дороги.

(Продолженіе).

Товарищъ Прокурора. Гг. Судьи, Гг. Приказные Засѣдатель! Настоящее дѣло, въ периодъ сентябрьской сессіи, представляетъ собою наибольшій интересъ, какъ въ отношеніи характера событія самаго преступленія, такъ и въ отношеніи къ той роли, которую играетъ обвиняемый Чернышскій. Определеніемъ Судебной Палаты Чернышскій пресѣдается за кражу бочки съ деревяннымъ масломъ, стоившей 250 р. сер., изъ кладовой станіи Николаевской желѣзной дороги, гдѣ онъ служилъ старшимъ надсмотрщикомъ надъ рабочими. О кражѣ означенной бочки и похищеніи на кражу другой бочки, въ слѣдствіи изъ прочитаннаго опредѣленія Палаты, составляющаго краткую, но полную записку слѣдственнаго дѣла. Что же касается до утвержденія справедливости и основательности изложеннаго опредѣленія, по всему изложенному адѣ на судъ, то вниманію вашему представимъ будутъ всѣ доводы, составляющіе право обвинительной власти на такое предположеніе виновности Чернышскаго, — конечно значительно изложеннаго на судъ, по тѣмъ не менѣе не исключаящей ни самаго факта кражи, ни участія въ немъ Чернышскаго. О кражѣ вамъ свидѣлствуютъ: 1) актъ осмотра двери кладовой, оказавшейся открытою подвѣшаннымъ ключомъ, найденнымъ въ личномъ замкѣ и представленномъ въ судъ, какъ вещное доказательство; 2) показаніе свидѣтелей, удостоверяющихъ, что одной бочкой съ

Редакція

маслом, посыл кражи, въ кладовой не доставало, а другая была вывезена изъ той же кладовой, съ цѣлью похищенія, и 3) удостовѣреніе сторожей, выданныхъ, вѣроятно на 13 марта, дверь кладовой отворенною, вытѣскавшими оттуда неимѣющихся лицъ и ожидающаго на дорогѣ близъ кладовой преступника съ домашнью, въразѣвомъ въ розвалинѣ, съ заготовленными досками и веревками. Доказательствомъ участія въ кражѣ Чернявскаго представляются присяжные показанія свидѣтелей, разнородность которыхъ вынуждаетъ меня раздѣлить ихъ на четыре категоріи: къ первой принадлежатъ Шиндга и рабочий Баки; ко второй Кузнецовъ и слесари мастера Керяна, Королева и Борисъ Захаровъ; къ третьей сторона станинъ желѣзной дороги, и къ четвертой свидѣтели, вызванные на судъ обвиняемымъ Чернявскимъ. Показанія первыхъ двухъ категорій удостовѣряютъ основательность подозрѣнія Чернявскаго, потому что 1-хъ, что ключъ, найденный въ личинномъ замкѣ двери кладовой, принадлежитъ ему и по просьбѣ Чернявскаго пошелъ до кражи слесарямъ, подѣлать предложеніи необходимости этого ключа для забора въ деревнѣ, котораго, замѣчу, онъ не читаетъ, и во 2-хъ, что рабочий Баки, по приказанію Чернявскаго, днемъ 12 марта, подложилъ подъ украденную бочку полено и самъ Чернявскій прикрывъ ее паклемъ. Замѣчу, что подобныя операціи съ бочкою прежде и въ настоящее время ни для какой надобности не дѣлаются. Показанія второй категоріи свидѣтелей упрощаютъ основательность обвиненія, удостовѣряя фактъ найденнаго этого самого ключа Чернявскимъ, по просьбѣ, съ которою онъ обращался къ слесарямъ, удостовѣрившимъ, что слезавъ его Королевъ, который фактъ этотъ также утверждаетъ. Давно сдѣлающъ свидѣтельство сторожей, которые ни въ чемъ не измѣнились на судебномъ слѣдствіи и мною уже высказаны. Что же касается свидѣтелей, вызванныхъ обвиняемымъ, то они присяжными показаніемъ убѣдили насъ, что Чернявскій вывелъ съ работы вѣстѣ съ ними въ 8 часовъ вечера 12-го марта и ночь на 13-е число остается дома. Кража произведена именно въ эту ночь и потому я долженъ сказать, что Чернявскій успѣлъ доказать алibi, т. е. доказать «вещную» невозможность совершить кражу. Въ виду такой обстановки, я прошу васъ, почтенные государи, познано извѣщая къ моему слову. Постановленій въ невозможности обвинять Чернявскаго въ кражу и не имея достаточныхъ данныхъ утверждать, что кража бочки съ масломъ дѣйствительно совершена, въ виду возбуждающагося на судѣ сомнѣнія: была ли эта бочка въ кладовой или не могло не существовать вовсе?—такъ какъ свидѣтель Шиндга удостовѣрилъ о не рѣдкихъ случаяхъ, что присланный по приказанію то-варя въ дѣйствительности на лицо не оказывался,—я останавливаюсь на двухъ вопросахъ, на утвердительные ответы которыхъ нѣтъ неотъемлемое право. Первый вопросъ: если не было въ давномъ случаѣ кражи, то не было ли лишь одного похищенія, основаннаго на собственномъ волею похищеніи? и второй: не было ли со стороны Чернявскаго содѣянія въ совершеніи сказаннаго преступленія? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ будетъ зависеть отъ того впечатлѣнія, которое вы вынесете изъ судебного слѣдствія и которое, надѣюсь, не разнится съ моимъ. Но при всемъ этомъ я нахожу необходимымъ объяснить характеръ и свойства дѣланія, именуемаго закономъ пособничествомъ. Пособниками называются лица, причастныя другому къ совершенію зла, но не принимавшія прямого въ немъ участія, ни какъ подстрекатели, ни какъ виновники фактическіе. Роль ихъ второстепенна; участіе ихъ ограничивается однимъ только дѣйствіемъ приготовительнымъ. Такъ Чернявскій, не принимавъ прямого участія въ кражѣ, приготовилъ ключъ къ совершенію ея и предоставилъ его другимъ,—значитъ быть пособникомъ фактическимъ. Пособникъ же фактически отличается отъ виновника тѣмъ, что все его участіе относится къ области приготовленія, а не исполненія пре-

ступнаго намѣренія; следовательно оно можетъ состоять только въ доставленіи виновному орудій преступленія, или въ устраненіи матеріальныхъ къ совершенію зла препятствій. Было ли содѣяніе Чернявскаго необходимымъ къ совершенію кражи, отвѣтъ на этотъ вопросъ конечно долженъ быть утвердительный, при видѣ на столѣ ключа Чернявскаго, который отверта была кладовая. Въ виду всего мною высказаннаго и отрицанія подсудимымъ Чернявскимъ всѣхъ обвиняющихъ его пунктовъ,—отрицанія даже того, что ключъ когда либо составлялъ его собственность,—вамъ предстоитъ разрѣшить настоящее дѣло. Уверенный, что вы относитесь къ фактамъ съ надлежащею объективною, мнѣ остается ожидать вердикта, варащаго зло и виновниковъ.

Защитникъ. Гг. Присяжные засѣдатель! опредѣленіе Московскаго Судебнаго Палаты Николая Степановъ Чернявскій предать суду по обвиненію въ томъ, что въ ночь на 13 марта 1869 года совершилъ посредствомъ поддѣльныхъ ключей, кражу бочки съ деревяннымъ масломъ изъ кладовъ въ Тверской станинъ Николаевской желѣзной дороги. Здѣсь на судѣ, по окончаніи судебного слѣдствія, г. Товарищъ Прокурора, отказавшись обвинять Чернявскаго въ совершеніи имъ самимъ этой кражи, обвиняетъ его въ томъ, что доставленіи ключей способствовалъ совершенію кражи другимъ людьми,—другими словами: по мнѣнію г. Товарища Прокурора, Чернявскій былъ пособникомъ и при томъ такимъ, безъ котораго самая кража не могла совершиться.

Поддерживая обвиненіе въ этомъ родѣ, Прокурорская власть раздѣляетъ свидѣтелей на три категоріи, на три группы,—и къ первой относитъ показанія тѣхъ свидѣтелей, которые говорятъ въ пользу обвиненія,—а именно: показанія Шиндга, Баки, Керяна, Королева и Захарова. Во второй группѣ она относитъ свидѣтелей, говорившихъ въ пользу подсудимаго, и наконецъ, по дѣленію обвинительной власти, третью группу составляютъ показанія свидѣтелей, не имѣющихъ особеннаго значенія ни для обвиненія, ни для защиты.

Оставшая въ сторонѣ показанія послѣднихъ двухъ категорій, г. Товарищъ Прокурора останавливается главнымъ образомъ на показаніяхъ свидѣтелей Баки, Керяна, Королева и Захарова, и на основаніи ихъ дѣлаетъ положительное заключеніе въ виновности Чернявскаго. Поэтому, въ своей защитительной рѣчи, я ограничусь критическимъ разборомъ показаній тѣхъ же самыхъ свидѣтелей, и прежде всего, остановлюсь на показаніи свидѣтеля Баки.

Сиропенный на судѣ, Баки объяснилъ, что пакунѣ кражи, оставшихъ, ко окончаніи работы, въ кладовой наединѣ съ Чернявскимъ, онъ, по приказанію послѣдняго, подложилъ подъ одну бочку полено и обернулъ ее паклемъ; при чемъ объяснилъ, что ему неизвѣстно было,—для чего приказалъ это сдѣлать Чернявскій?—спросить же Чернявскаго объ этомъ онъ не рѣшился; а на мой вопросъ: случалось ли это и прежде?—отозвался неяснымъ. Давно Баки объяснилъ, что та ли была украдена бочка, подъ которую имъ подложено было полено, ему неизвѣстно, такъ какъ послѣ кражи онъ не входилъ въ мастерскую. На основаніи этого показанія г. Товарищъ Прокурора говоритъ, что Чернявскій, рѣшившись похитить бочку, для того и приказалъ подложить полено подъ одну и покрыть паклемъ, чтобы легче отыскать ее отъ другихъ бочекъ. Вы слышали, гг. присяжные, показанія Шиндга, который объяснилъ, что, во время совершенія кражи, въ кладовой находилось не болѣе шестидесяти бочекъ. При такомъ маломъ количествѣ бочекъ, мнѣ кажется, очень легко было, не дѣлая особенныхъ приготовленій, унести именно ту бочку, украсть которую Чернявскій предположено было. Сравнивается, за чѣмъ же было Чернявскому дѣлать подобное распоряженіе? Развѣ только для того, чтобы, по обнаруженіи кражи, оно обратилось для него въ уликъ. Кромѣ того, изъ показанія Шиндга видно, что воры хотѣли

унести двѣ бочки,—одну унесли уже, а другую не успѣли и были задержаны.

Если Чернявскій приказалъ подложить подъ бочку полено съ этими наміреніемъ, какъ объясняетъ Товарищъ Прокурора, то отъ чего же Баки подложилъ полено подъ одну только бочку, а не подъ двѣ? Мнѣ кажется, что подобное распоряженіе было сдѣлано Чернявскимъ въ видахъ исключительно хозяйственныхъ, а не съ преступною цѣлью, какъ старается объяснить обвинительная власть. Если же, по словамъ Баки, прежде иногда не случалось ему подкладывать подъ бочки полено, на что, между прочимъ, обвинительная власть и обращаетъ собственное вниманіе, то съ своей стороны я замѣчу, что Баки, какъ самъ объяснилъ онъ, находясь при мастерской не болѣе двухъ мѣсяцевъ и потому легко могло случиться, что въ продолженіи этого времени не было надобности въ подобной операціи. Что же касается до того, что Баки обернулъ бочку паклемъ, то вы слышали, гг. присяжные, объясненіе по этому предмету Чернявскаго,—объясненіе, справедливость котораго призналъ отчасти и самъ Баки. Поэтому я нахожу излишнимъ объ этомъ распространяться. Вотъ, гг. присяжные, сущность показанія Баки. По моему мнѣнію, если оно и говоритъ въ пользу Чернявскаго, то уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить противъ него уликкою, и я счелъ думать, что вы раздѣляетесь въ этомъ моему убѣжденію.

За симъ обращаюсь къ разбору показаній Керяна, Королева и Захарова.

Керяна говоритъ, что Чернявскій будто бы при немъ снѣрга самъ старался принять бороду къ ключу, а потому, не будучи въ состояніи этого сдѣлать, обратился къ нему съ просьбою, и что Керяна, по не имѣнію времени, отказался и отослалъ его къ Королеву, который и принялъ бороду. При этомъ Керяна говоритъ, что онъ работаетъ радомъ съ Королевымъ и что послѣдній долженъ былъ видѣть, какъ Чернявскій принималъ ключъ. Королевъ же здесь объяснилъ, что дѣйствительно Керяна послалъ къ нему Чернявскій, приказавъ ему ключъ; но на мой вопросъ, видѣлъ ли самъ снѣгъ, какъ Чернявскій палъ ключъ, отозвался неопредѣленно. Къ этому я съ своей стороны считаю нужнымъ присовокупить, что Королевъ занимается слесарной работой; а значитъ же, какъ справедливо замѣтилъ старшина присяжныхъ, конечно могъ принять только мѣдныя.

Давно изъ прочтѣннаго предъ вами, гг. присяжные, показанія неимѣющаго свидѣтеля Захарова видно, что Чернявскій будто бы около его горня принималъ ключъ; но слышалъ ли это, не знаетъ.

Вотъ показанія тѣхъ свидѣтелей, на которыхъ г. Товарищъ Прокурора старается построить свое обвиненіе. Изъ этихъ показаній вы изволите видѣть, что будто бы Чернявскій сперва самъ старался принять ключъ, то около одного рабочаго, то около другого,—переходя съ ключемъ то къ Керяну, то къ Захарову, то къ Королеву. Разбирательство показаній этихъ свидѣтелей,—я нахожу лишнимъ и обращу ваше вниманіе только на слѣдующее: если Чернявскій, какъ говоритъ Керяна и Захаровъ, старался самъ принять ключъ, то за чѣмъ онъ обратился къ Королеву съ просьбою? Отъ чего же онъ самъ не снѣгъ его? Если онъ, по неумѣнію, не могъ этого сдѣлать, то за чѣмъ же брался? Если же онъ на столько сдѣлающъ въ дѣлѣ привычный, то чѣмъ ему было обращаться съ просьбою объ этомъ къ Королеву? Это значило бы съ-ими собственными руками разрушить свое дѣло, давать противъ себя улики, накладывать на самого себя руки. При этомъ я обращу ваше вниманіе, гг. присяжные, что, по показанію этихъ свидѣтелей, припадки ключа происходили въ октябрь мѣсяцъ, или ноябръ прошлаго года, однимъ словомъ—осенью, а кража произведена весною этого года. Сравнивъ, что свидѣтели въ дѣлѣ кражи хорошо припоминали это нѣтъ-жѣ

ное обстоятельство и вместе с тем так же согласно показывать друг с другом. Положим, если Чернявский так давно задумал совершить кражу и, приготовив для этого ключи, не приводил своего намерения в исполнение так долго, для того только, чтобы обстоятельство признали нагаданием из памяти этих свидетелей, чтобы, в случае обнаружения кражи, подозрение в оной прежде всего не пало на Чернявского, то для чего же Чернявский, после такого долгого выжидания, приказывает Баку вынести кражи положить пополам под ту именно бочку, которую он выносили кражу похитить? Чтобы подобным распоряжением навлечь на себя подозрение? Подобной несообразности в поступках я совершенно не в состоянии понять.

Подсудный объяснил, что он никогда не признавал ключа и что оба зонта никогда не просил ни Беркина, ни Королева.

Но положим, что признал ключа действительно происходила, что действительно Чернявский и сам признавал и других просил это сделать. Согласился на время, что показания Чернявского в этом отношении можно, что показания Беркина, Королева и Захарова имеют достоверность. Из прочитанного пред нами акта осмотра кладовой и двери видно, что дверь заперлась двумя замками: внутренним, из которого будто бы Чернявский и вынул ключи, и замком высечным; — что на дверь, запертую внутренним замком, накладывалась крошечная еще желтая полоса, которая заперлась высечным замком. Сравнивается, если Чернявский подложил ключ из замка в мастерской, то откуда же он взял ключ для отпора всякого замка? Обвинительная записка этого не объясняет. Если Чернявский приобрел его на стороне, то зачем же он не достал на стороне и большого ключа. Это очень легко было сделать. Между тем, гг. присяжные, большая половина признавших из торгового класса, и потому вы можете знать, что подделка ключа очень не трудно. Стоит только пойти в железную лавку, где всегда можно подобрать какой угодно ключ, — и потому Чернявский мог бы, чтобы отвлечь от себя подозрение, прибегнуть к этому средству. С другой же стороны, если у Чернявского был старый ключ и ему нужно было принять в нем бороду, то с меньшим для себя опасностью он мог это сделать в городе, обратившись к любому сапожнику или швейцу, а не в мастерскую станции Николаевской железной дороги. Ему не захотел было ни самому признавать в оной бороду, ни других просить о том. Это казалось бы опять так давать против себя улику, и, притом, улику несправедливую. Но мы кажется, подобный — осторожный вор, каким представляется Чернявский обвинительная записка, ни когда бы не додумался такой неосмотрительности, такой неосторожности из своих действий. Повторю снова: Чернявскому не захотел было признавать ключ в мастерской, когда он мог это сделать на стороне, где, по мнению г. Товарища Прокурора, он уже достал ключ для всякого замка.

В заключение я обращу ваше внимание, на следующее: как видно из акта, данного Королевым на вопрос Чернявского, никаких посторонних работы в мастерской не дозволялось; при выходе рабочих из мастерской, их осматривали очень строго, для того, чтобы они не могли увести чего-нибудь с собою; что за всякую частную работу, сделанную в мастерской можно заплатить не только значительный денежный штраф, но даже и поплатиться каторгой. А как Чернявскому, так и Королеву не могло быть неизвестно это, то на кражу из бы Чернявский, очень хорошо зная последствия, рискуя прийти в мастерскую с ключом, — рискуя бы так попасть в нем бороду, а Королеву с своей стороны рвался бы исполнить просьбу Чернявского.

Затем обращаюсь, гг. присяжные, к показаниям свидетелей, на обвинение которого ва-

ложено было стеречь дрова. Вы слышали, что, около двенадцати часов ночи, был замечен была лошадь, запряженная в сани, на которых находились три доски и веревка. Предполагая, что мужик приехал коровать дрова, он стал следить за ним; но удалившись во время прибытия повозки, так как, дескать, в это время совершить посяжку дров для мужика было не удобно, и возвратившись к дровам, по отходе повозки, он мужика этого уже не застал; во время его отсутствия мужик уже скрылся, — и в это то самое время совершенна была кража, — другими словами: этого то мужик и увел бочку с маслом. Свидетель Шиндт показал, что воры, похитивши одну бочку, выкатили уже и другую, но не успели увести ее. Из показаний того же сторожа, которое я, сию минуту, имел честь привести, видно, что другой лошадь и других саней он в то время не заметил. Сравнивается, если воры приехали на одной лошади, если на санях, в которых запряжена была лошадь, можно было увести одну бочку, то зачем же так же самым похитителям было выкатывать другую бочку, которую они не могли увести с собою? Какая из них надобность? С другой стороны, если похитители были на двух подводах, то где же была другая, и кто же из это время отпирал кладовую, выкатывал из оной бочки, когда, по показаниям сторожа, мужик находился при санях, а время отсутствия сторожа продолжалось не более 10 минут, в продолжение которых, по объяснению самого же сторожа, не было никакой возможности назвать и увести даже одну бочку.

Из всего этого, гг. присяжные, вы можете видеть, что подсудный Чернявский положительно не виновен в том преступлении, за которое просится обвинительная записка. Мы видим, что показания Баку не могут служить в его обвинение, точно также, мы кажется, я довольно ясно и обстоятельно доказал, что признав ключ в данной случае разительно не остается ни при чем. Уже одна несообразность и некоторые противоречия в показаниях свидетелей Беркина, Королева и Захарова наводят сильное подозрение в несуществовании самого факта признания. Вы слышали, гг. присяжные, отзыв свидетеля Шиндта о поведении Чернявского во все время его службы на Тверской станции. Вы слышали, что Чернявский отличался безукоризненным честностью, исправностью и точностью и что Шиндт, под влиянием которого находился Чернявский, тогда только заявил на него подозрение в краже, когда ему сообщила действительно, или выдуманную историю о приходе будто бы Чернявского в бороду к тому ключу, который найден был в двери кладовой. Объяснить же побудительную причину показаний, данных на судя против Чернявского остальными свидетелями, я нахожу назидательным. Законом мы признаем, гг. присяжные, ринуть это дело, — ринуть, на основании данной вами присяги — по совести. Вы судите из народа, — вы вносите в суд свое знание практической, действительной жизни. Вам слышались, может быть, истрять в продолжении своей жизни, как иногда, ради мелких, своеобразных денег, люди подставляют друг другу ноги. Не руководило ли подобное побуждение и спонсорскими здесь свидетелями, — а представляло ринуть как санит. С другой стороны, если бы не боялся утонуть ваше внимание, а привлечь бы к рассмотрению из судебной практики тех наших, так и заграничных, — примитивных то, как иногда, на основании поведенью самых положительных улик, были осуждаемы невинные и, благодаря не благоприятному для них стечению обстоятельств, терпели не заслуженное наказание.

Вот вещь своей речи считаю необходимым обратить ваше внимание и на то еще, что в ночь кражи, по показаниям свидетеля Варюжонкова, Чернявский находился все время дома и нигде не отлучался, — что предварительных свидетелей обнаружено, что, в ночь

кражи, никто из служащих на Тверской станции не заметил Чернявского на месте преступления, — чего конечно не могло бы быть, если бы Чернявский приходил туда ночью, так как его, как давно служащего на станции, все знали; точно также, не смотря на произведенный в его дом внезапный обыск, ничего подозрительного у него не найдено, и наконец подсудный Чернявский, как показывал свидетель Шиндт, на другой день явился на работу в надлежащее время и никакого на лиц его смущения не было замечено, хотя сознание совершенного им преступления и могло бы его выдать после обнаружения кражи. И утрезь, гг. присяжные, что строго записав и обсудив все обстоятельства настоящего дела, вы, по долгу данной вам присяги, не осудите невинного, признавшего его виновным из совершенной того преступления, за которое он просится обвинительной запиской.

ОБЪЯВЛЕНИЯ И ИЗВЪЩЕНИЯ.

Председатель Кашинского Окружного Суда Н. И. Головин объявляет по всеобщему судению, что Старший Председатель Московской Судебной Палаты, 12 марта сего года, Нотариус г. Казанова, Записный книжник Нотариус Николай Александрович передал Нотариусу из г. Благовещенска.

Вспомогательные таблицы для приема золота и серебра вывешены в уездном. Заключаются из С.-Петербургского отчеством драгоценных металлов золотых и серебряных для мастеров Рейнвальд составлены вспомогательные таблицы для приема золота и серебра вывешены в отделе Горно-Ученых Комитетом для употребления в пробирных учреждениях. Имя в виду, что составленные Рейнвальд таблицы, служащие для отчисления вычислений при отплавке металлов в пробирных учреждениях, могут быть также полезны золотых и серебряных для мастеров, которых с преобразованием пробирной части дозволено будет сплавлять золото и серебро и заниматься отчеством сих металлов не только в пробирных учреждениях, но и в своих мастерских. Тверская Канцелярия Палаты, выданные предписания Горного Департамента от 2 марта сего года, за № 235, объявляет о сего по всеобщему судению. Цена экземпляру означенных таблиц без переселения 1 р. 50 к., а с переселением 1 р. 70 к., продажа же производится у купца таблиц З. Ф. Рейнвальд, из С.-Петербурга, на средней Миданской, дом № 4, кв. № 10, Лаборатория № 15.

Визит наследника, архитектора и должност.

Из книги крестьянина, вышедшего уезда, Дорской волости, дер. Дерезово Иван Михайлович Козлов. Вышедшего округа Почетный Мирной Судья Порфирий Иванович Степанов выдает, в установленный 1241 ст. 1 ч. X т. св. зак. срок, наследников крестьянина, вышедшего уезда, Дорской волости, дер. Дерезово Иван Михайлович Козлов, умершего ноября 7 числа 1869 года, выданные по прошению вышедшего из жизни Антония Козлова, уроженца Понизовского, предать, по подлинному, права свои на оставшееся после него имущество, заключающее: 1) вышедшего уезда, Дорской волости, из дер. Дерезово дом с принадлежащим к нему пристройком, состоящим из сараи, амбара с гумном и сеницы и прочие постройки, 2) при той же деревне Дерезово, из пустоши Овчинников, в коей 40 дес. земли, и 3) движимое имение, находящееся в г. Вышнем-Волочке, в Казанской губернии, при квартале его у вышедшего из жизни Феофила Ивановича Губуновой, и все что к нему может относиться. 3.

Из книги Старшего землемера, изд. с. Марья Телефонист Степанов. Старший Мирной Судья 4

Мерфи

